

А. Богданов

**Наука об общественном
сознании**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
А11

А11 **А. Богданов**
Наука об общественном сознании / А. Богданов – М.: Книга по Требованию,
2024. – 222 с.

ISBN 978-5-458-54716-1

Краткий очерк идеологической науки в вопросах и ответах.

ISBN 978-5-458-54716-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2024

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2024

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Такова же идеологія. Науки, техническія и естественныя, возникли изъ производства, благодаря его развитію достигли своего нынѣшняго уровня; но онѣ управляютъ производствомъ, безъ нихъ немыслимы современныя фабрики, заводы, желѣзныя дороги.

Другой примѣръ. Общественные дѣятели передового въ наше время класса посвящаютъ всѣ свои силы на то, чтобы развивать его классовое сознаніе, т.-е. именно его идеологію. Почему они дѣлаютъ это, когда они знаютъ, что основное—это экономика, идеологія же только производное, «надстройка», не болѣе? Большинство изъ нихъ не съумѣютъ правильно отвѣтить на этотъ вопросъ. Они, напр., скажутъ: «экономическія отношенія развиваются сами по себѣ, помимо насъ, и намъ нѣтъ надобности въ нихъ вмѣшиваться; что же касается идеологіи, тутъ мы можемъ ускорить дѣло, облегчить муки родовъ; поэтому наше участіе полезно и нужно». Отвѣтъ неубѣдительный. Развѣ сознательное вмѣшательство активныхъ людей не можетъ прямо ускорять ходъ экономического прогресса, когда, положимъ, какой-нибудь энергичный дѣлецъ основываетъ акціонерныя общества, заводитъ фабрики, проводитъ желѣзныя дороги въ отсталой странѣ? И развѣ, съ другой стороны, сознаніе класса не можетъ формироваться само по себѣ, зарождаясь и складываясь непосредственно въ массахъ? Вѣдь такъ оно первоначально и возникало повсюду.

И однако, остается вѣрнымъ то, что работа надъ сознаніемъ класса, надъ его идеологіей—самая необходимая, исторически самая важная въ нашу эпоху. Слабость же обычнаго отвѣта зависитъ отъ того, что люди хотя и чувствуютъ величайшее значеніе идеологій въ жизни, но не умѣютъ его отчетливо выразить. Систематически его изучая въ изложеніи нашей науки, мы увидимъ, въ чемъ оно состоитъ. Идеологія есть о р у д і е о р г а н и з а ц і и общества, производства, классовъ, и вообще всякихъ общественныхъ силъ или элементовъ,—орудіе, безъ котораго эта организація невозможна. Помогать выработкѣ сознанія въ опредѣленномъ классѣ, значитъ—развивать самыя основы его организаціи, участвовать въ образованіи того мозга, который долженъ управлять этимъ могучимъ тѣломъ.

Теперь въ передовыхъ массахъ, рядомъ съ экономической и политической активностью, пробуждается особенно сильно стремленіе просвѣщаться—жажда знанія, интересъ къ литературѣ, искусствамъ. Все это приходится брать почти всецѣло изъ рукъ господствующихъ классовъ, потому что ими это почти всецѣло создано и разработано, принадлежать къ ихъ идеологіи. Неизбѣжно встаютъ серьезныя и трудные вопросы. Брать у тѣхъ классовъ культуру, воспитываться на продуктахъ ихъ творчества, значитъ ли—получать отъ нихъ законное наслѣдство, или напротивъ—духовно имъ подчиняться? Не сводится ли это къ тому, что мы приучаемся мыслить и чувствовать, какъ они,

ходить по путямъ, ими протореннымъ, вообще—жить подъ ихъ опекою? Что у нихъ можно и слѣдуетъ брать, какимъ образомъ усваивать, что—отвергать и отбрасывать? Возможно ли новому классу уже теперь создавать что-нибудь свое въ наукѣ, искусствахъ, правилахъ жизни? Если возможно, то стоитъ ли работать надъ этимъ, не отвлекаетъ ли это отъ болѣе важныхъ задачъ?—Требуется отвѣты, точные и надежные, т.-е., научные; основу для нихъ дать лишь систематическое изученіе науки объ идеологіяхъ.

Вотъ почему я считалъ эту работу своевременной, необходимой, и предпринялъ ее, собирая воедино то, что было сдѣлано и подготовлено другими, заполняя, по мѣрѣ силъ своихъ, пробѣлы, которые оставались. Предметъ сложный и трудный; чтобы читателю было легче овладѣть имъ, я выбралъ такую форму, которая упрощаетъ изложеніе: прямые вопросы и отвѣты.

Я убѣжденъ, что книга найдетъ своего читателя и будетъ ему полезна.

А. Богдановъ.

16/3 ноября 1913.

ВВЕДЕНИЕ.

1. Опреѣленіе идеологической науки.

В о п р о с ъ. *Что такое идеологическая наука?*

О т в ѣ т ъ. Это—наука объ общественномъ сознаниі людей.

В. *Что такое «общественное сознание»?*

О. Каждый человѣкъ имѣетъ свою душевную жизнь: онъ видитъ, слышитъ, радуется, страдаетъ, желаетъ, стремится, воспоминаетъ, воображаетъ... Всѣ эти ощущенія, чувствованія, воля, представленія, составляютъ его «личное» (или «индивидуальное») сознание. Но человѣкъ живетъ всегда въ обществѣ, т. е., въ связи и въ общеніи съ другими людьми. То, что онъ «сознаетъ»—ощущаетъ, желаетъ, думаетъ,—онъ разными способами выражаетъ, невольно или намѣренно, и другіе люди такъ или иначе понимаютъ его, а равно и онъ ихъ. Они видятъ движенія его тѣла, лица, глазъ (его «миимику»), слышатъ его крики, слова, воспринимаютъ написанные имъ знаки, нарисованныя имъ изображенія, и т. под.; этимъ путемъ они знаютъ объ его душевныхъ состояніяхъ—чего онъ хочетъ, что чувствуетъ, представляетъ,—и онъ знаетъ то же относительно ихъ. Все, что выражено и понято, что стало известно отъ одного человѣка другимъ и обратно, все это тѣмъ самымъ уже общее для нихъ, все это принадлежитъ уже не только личному сознанию, но вошло въ общественное сознание. Слѣдовательно, изучать общественное сознание, значитъ изучать, ч т б ъ , какими способами люди выражаютъ и понимаютъ.

В. *Почему науку объ общественномъ сознаниі называютъ «идеологической»?*

О. Потому что общественное сознание обозначается также, болѣе кратко, словомъ «идеологія».

— *Откуда происходитъ слово «идеологія», и каковъ его прямой смыслъ?*

— Это слово образовано изъ двухъ греческихъ: 1) *idéa*—воззрѣніе, мысль, отъ арійскаго корня *v i d*, который сохранился

и въ русскомъ языкѣ (в и д ѣть, в ѣ д ать); въ греческомъ этотъ корень утратилъ свою первую букву, но и тамъ она первоначально была; значеніе же корня въ обоихъ языкахъ одинаковое; 2) *λβυρος*—понятіе, слово, отъ корня *le g*, означающаго, первоначально, класть, а затѣмъ—думать; этотъ корень и въ русскомъ имѣетъ тѣ же два значенія, какъ показываетъ слово «по-ла-га-ть» (положить, предположить, и т. под.) Слѣдовательно, «идеологія» должно означать, буквально, науку объ идеяхъ, какъ «психологія»—наука о душѣ, «біологія»—о жизни, и пр. Но обычно идеологіей называютъ не науку объ идеяхъ, а самыя идеи и понятія, или, точнѣе и общѣе, какъ мы уже сказали, само «общественное сознание».

— *Нѣтъ ли другого, болѣе употребительнаго, чѣмъ терминъ «идеологія», обозначенія для общественнаго сознания?*

— Да, есть. Въ этомъ смыслѣ чаще примѣняется слово «культура», или, точнѣе, выраженіе «духовная культура». Первоначальное значеніе латинскаго слова «культура», это—воздѣлываніе земли, а затѣмъ вообще полезный трудъ. Отсюда получилось нынѣшнее широкое понятіе «культуры»: всѣ результаты человѣческихъ усилій, поднимающіе человѣчество надъ природою, всѣ плоды труда и мысли, совершенствующіе жизнь. Техника, съ ея орудіями, машинами, путями сообщенія,—экономическія связи сотрудничества, обмѣна,—рѣчь, знанія быденныя и научныя, искусство, обычаи, нравственность, право, политика—все это составныя части культуры; даже развитіе физической силы и здоровья, посредствомъ гимнастики и другихъ приемовъ, относится туда же, подъ названіемъ «культуры тѣла».—При этомъ различаютъ двѣ основныхъ области культуры: матеріальную и духовную. «Матеріальная культура» есть вся сфера производства, съ его техникой и экономическими отношеніями, общественный трудъ, направленный на вѣшнюю природу, со всѣми его средствами и формами. «Духовная культура»—это та сфера, которая лежитъ в н ѣ п р я м о й б о р ь б ы с ь п р и р о д о ю, это—рѣчь, мышленіе, нравственность, искусство, и т. д., словомъ—идеологія, общественное сознание.

— *Представляетъ ли идеологія общества нѣчто единое, постоянное и строго определенное, или нѣтъ?*

— Нѣтъ, она многообразна и измѣнчива. Она зародилась въ видѣ безформенныхъ зачатковъ въ первобытную эпоху жизни человѣчества, и съ тѣхъ поръ развивается, усложняясь и развѣтвляясь, вплоть до нынѣшняго гигантскаго богатства ея формъ. Такъ, первобытную рѣчь, согласно выводамъ сравнительной филологіи, приходится представлять сводящейся, самое большее, къ нѣсколькимъ десяткамъ звуковъ (трудовых криковъ), которые не обладали строгой опредѣленностью значенія, свойственной нынѣшнимъ словамъ; современные же языки цивилизованныхъ народовъ обладаютъ сотнями тысячъ

обозначеній, которыя допускають миллионы и миллионы сочетаній, позволяющихъ выразить самыя сложные и самыя тонкіе оттѣнки явленій нашей жизни и внѣшней природы. Въ таковой же или еще большей мѣрѣ выросло познаніе, и т. д.

Кромѣ того, если въ примитивныхъ обществахъ идеологія была единой и цѣльною, общею для всѣхъ ихъ членовъ, то въ обществахъ позднѣйшихъ, болѣе развитыхъ, это уже не такъ. Идеологія есть выраженіе и пониманіе ж и з н и; а жизнь въ этихъ обществахъ раздроблена, она не одна и та же для разныхъ к л а с с о в ѣ. Въ зависимости отъ разнаго положенія людей въ производствѣ или около производства, различны ихъ жизненные условія, ихъ интересы, стремленія, ихъ точка зрѣнія на окружающій міръ. Все это, естественно, находитъ себѣ и разное выраженіе, порождаетъ разные способы пониманія. Получается не одно общественное сознаніе, а нѣсколько к л а с с о в ы х ѣ: у землевладѣльцевъ—помѣщиковъ одно, у капиталистовъ другое, у мелкихъ хозяевъ—ремесленниковъ и крестьянъ—третье, у рабочихъ пролетаріевъ еще иное.... Даже отдѣльныя группы большихъ классовъ, расходящіяся между собою не въ основныхъ и главныхъ, а въ болѣе частныхъ и второстепенныхъ условіяхъ жизни, вырабатываетъ себѣ отчасти особую идеологію—«соціально-групповую». Такъ, идеологія далеко не вполне одинакова у крестьянъ и у городскихъ ремесленниковъ, хотя тѣ и другіе имѣютъ много общаго между собою, какъ мелкие производители; она не вполне одинакова даже у фабрикантовъ и у банкировъ, и т. под.

— *Совершается ли идеологическое развитіе всегда непрерывно и въ сторону прогресса, или нѣтъ?*

— Нѣтъ, исторія показываетъ, что это бываетъ такъ большей частью, но не всегда. Во-1), на памяти человѣчества случилось не разъ, что цѣлыя общества, иногда уже достигнувшія довольно высокой ступени культурнаго развитія, затѣмъ приходили въ упадокъ: разлагались изнутри, или разрушались подъ ударами внѣшнихъ враговъ, чаще—то и другое вмѣстѣ. Вмѣстѣ съ самимъ обществомъ тогда терпѣла крушеніе также его идеологія. Эта судьба постигла цѣлый рядъ древнихъ цивилизацій: египетскую, халдейскую, финикійско-кареагенскую, мексиканско-индійскую и другія. Примѣръ же наиболѣе замѣчательный—гибель античнаго, греко-римскаго общества, съ его грандіозной, въ иныхъ отношеніяхъ и теперь не превзойденной культурой.

Во-2), когда общество состоитъ изъ классовъ, борющихся между собою, то ихъ идеологіи раздѣляютъ участь самихъ классовъ: вмѣстѣ съ ними растутъ и развиваются, вмѣстѣ съ ними деградируютъ и падаютъ. Когда новый классъ завоевываетъ господство, то наступаетъ полный расцвѣтъ его идеологіи; напротивъ, идеологія класса, имъ побѣжденнаго, теряетъ общественное значеніе, слабѣетъ, разлагается. Такой переворотъ

пережили, напр., европейскія страны въ XVIII—XIX вѣкѣ, когда буржуазія одолѣла и оттѣснила феодальную аристократію; съ тѣхъ поръ феодальная идеологія, съ ея католицизмомъ, нравственностью, основанной на авторитетѣ, идеей наследственной власти, все болѣе отмирала; а буржуазная, съ ея безрелигіозностью, съ ея индивидуалистической нравственностью, съ ея всепроникающимъ принципомъ частной собственности, захватывала все полнѣе господство во всѣхъ областяхъ жизни общества, налагала свой отпечатокъ даже на сознаніе другихъ классовъ.

Слѣдовательно, наша наука должна изучать идеологіи въ процессѣ ихъ измѣненій и борьбы, ихъ развитія или ихъ деградациі, ихъ жизни и умирающаго.

II. Методы идеологической науки.

а) И н д у к ц і я.

— *Какіе существуютъ основные методы въ идеологической наукѣ?*

— Тѣ же, что и въ другихъ наукахъ: 1) индукція, т. е., буквально, «наведеніе»,—методъ о б о б щ а ю щ і й, идущій отъ частнаго къ общему; 2) д е д у к ц і я, т. е. «выведеніе»,—методъ п р и м ѣ н я ю щ і й о б о б щ е н і я, дѣлающій выводы отъ общаго къ частному.

— *Какіе существуютъ виды индукціи?*

— Три вида: 1) обобщающее описаніе; 2) статистическій или подсчетный методъ; 3) абстрактный или упрощающій методъ.

— *Какой изъ трехъ видовъ индукціи первоначальный и основной?*

— Методъ обобщающаго описанія.

— *Въ чемъ состоитъ методъ обобщающаго описанія?*

— Въ томъ, что собираютъ вмѣстѣ с х о д н ы е между собою факты или явленія, и отыскиваютъ, что въ нихъ есть о б щ а г о; такъ получаютъ описательныя обобщенія. Въ сущности, начало этого метода имѣется въ самой человѣческой рѣчи: когда обозначаютъ сходныя дѣйствія или сходныя вещи однимъ и тѣмъ же словомъ, то это слово есть уже обобщеніе,— оно объединяетъ ихъ по сходству и указываетъ на ихъ общія черты или элементы. Такъ, когда мы произносимъ или мыслимъ: «человѣкъ»,—то мы тѣмъ самымъ связываемъ во-едино безчисленные знакомые намъ образы людей, и подразумеваемъ все, что въ нихъ одинаково, что въ каждомъ изъ нихъ повторяется. Но такое, безсознательно сложившееся обобщеніе не обладаетъ еще отчетливостью и точностью, какія вырабатываются въ сознательномъ изслѣдованіи, въ научномъ мышленіи. Тамъ обобщаемые факты сопоставляются и сравниваются системати-

чески; то, что въ нихъ общаго, специально выдѣляется и формулируется. Напр., наука объ языкѣ, всѣхъ раньше развившаяся часть идеологической науки, получала свои первыя обобщенія такимъ путемъ, что сравнивала слова, сходныя по звукамъ и по значенію, обособляла въ нихъ съ одной стороны одинаковые звуки (общій «корень» этихъ словъ), съ другой—присущій всѣмъ имъ оттѣнокъ значенія (смыслъ этого корня). Даны, положимъ, слова: «рабочій», «работа», «поработить», «рабъ», и др. Нетрудно видѣть, что въ нихъ есть одинъ и тотъ же корень «р а бъ», выражающій идею труда.

Наша наука, подобно другимъ общественнымъ наукамъ, и даже еще больше, чѣмъ онѣ, должна нерѣдко сравнивать и обобщать явленія гигантской сложности, напр., сопоставлять по сходству цѣлыя религіозныя міровоззрѣнія разныхъ народовъ, цѣлыя системы нравственности, и т. под.

— Въ какомъ порядкѣ ведется обобщающее описаніе?

— Въ порядкѣ прогрессивно-восходящей лѣстницы (градации). Изъ частныхъ фактовъ образуются первыя обобщенія; но познаніе не останавливается на нихъ, а сопоставляетъ ихъ между собою, и выдѣляя въ нихъ общее, производитъ такимъ образомъ обобщенія второго порядка; изъ нихъ точно также—обобщенія третьяго порядка, и т. д., вплоть до немногихъ, или даже одного высшаго и послѣдняго обобщенія. Типичный примѣръ подобной лѣстницы даетъ любая научная классификація, напр., животныхъ или растений. Всѣ, сколько бы ихъ ни было, животныя, сходныя между собою настолько, насколько могутъ быть сходны родители и дѣти, образуютъ одинъ видъ; ихъ общія черты составляютъ характеристику даннаго «вида», сущность этого обобщенія. Виды, близко родственные другъ другу по устройству тѣла, образуютъ родъ; сумма одинаковыхъ чертъ, разумѣется, здѣсь меньше, чѣмъ между особями одного вида, такъ что обобщеніе «по объему» меньше, но «по широтѣ» оно больше, и представляетъ обобщеніе слѣдующаго, второго порядка. Близкіе другъ другу роды образуютъ семейство, близкія семейства—отрядъ; изъ отрядовъ составляется классъ, затѣмъ типъ, затѣмъ царство. Въ классификаціи зоологической это—послѣднее обобщеніе; оно выражается понятіемъ «животное», и охватываетъ тѣ немногія черты, которыя имѣются у всѣхъ представителей этого царства; но связавши его съ высшимъ обобщеніемъ ботанической классификаціи—«растеніе», получаемъ еще высшее—понятіе «живого существа», послѣднее для описательной биологіи, и т. д.

Въ идеологической наукѣ существуютъ аналогичныя лѣстницы обобщающаго описанія. Такъ, религіи древнихъ грековъ, германцевъ, славянъ, индусовъ и цѣлага ряда другихъ народовъ весьма сходны по основному строенію, напр., всѣ характеризуются множественностью боговъ, раздѣленіемъ областей, ими управляемыхъ, цѣлью власти—подчиненія, въ которую

они организованы, и которая въ точности повторяетъ цѣпь сюзереновъ—вассаловъ, свойственную феодальнымъ обществамъ. Всѣ подобныя религіи относятся къ одному виду—многобожныхъ (политеистическихъ) системъ. Сопоставляя этотъ видъ съ другими—фетишистическимъ, единобожнымъ, и выдѣляя все, что въ нихъ имѣется общаго, получаютъ родовую характеристику—религіозныхъ міровоззрѣній. Сравненіе съ другими родами міровоззрѣній—метафизическими, научно-философскими—даетъ обобщеніе слѣдующаго порядка: понятіе о системахъ міровоззрѣнія вообще. Оно, въ свою очередь, связывается съ понятіемъ о системахъ моральныхъ, правовыхъ, образуя основу для характеристики «идеологій вообще». Это для нашей науки послѣдняя, высшая ступень въ градаціи понятій.

— *Не достаточенъ ли методъ обобщающаго описанія для цѣлей научнаго изслѣдованія?*

— Нѣтъ. Хотя въ новѣйшей философіи существуетъ такой взглядъ, что къ одному этому методу сводится все познаніе (теорія «чистаго описанія»), но это—недоразумѣніе, зависящее отъ того, что съ методомъ обобщающе-описательнымъ смѣшиваются другія—правда, происшедшія отъ него—формы индукціи, высшія и болѣе совершенныя. Онѣ тѣмъ болѣе недостаточны, чѣмъ сложнѣе изучаемыя явленія, и чѣмъ болѣе они измѣнчивы. Тогда въ группѣ взаимно-родственныхъ явленій одни и тѣ же признаки сходства въ однихъ случаяхъ имѣются, въ другихъ отсутствуютъ, при измѣненіяхъ иногда появляются, иногда усиливаются, иногда исчезаютъ; и простое описаніе впадаетъ въ расплывчатость, въ неопредѣленность. Даже для простѣйшихъ фактовъ, изучаемыхъ, напр., физикой, эта недостаточность нерѣдко сказывается съ очевидностью. Тѣла безъ опоры падаютъ, это явленіе обычно, повторяется миллионы разъ на нашихъ глазахъ,—но дать его общее описаніе путемъ простаго сравненія и классификаціи до крайности трудно. Одни тѣла падаютъ быстро и прямолинейно, другія медленно и зигзагами; третьи, какъ облака, пыль, повидимому, совсѣмъ не падаютъ, или падаютъ неуволимо медленно; четвертыя, какъ дымъ изъ печей, иногда идутъ вверхъ, иногда же замѣтно внизъ; кусочекъ золота падаетъ такъ, а тотъ же кусочекъ, расплюснутый въ тонкій листокъ, иначе, и т. д. Простое описаніе тутъ должно чрезвычайно усложниться и затеряться въ частностяхъ, въ мелочахъ.

Тѣмъ болѣе это относится къ сложнѣйшимъ и постоянно измѣняющимся идеологическимъ формамъ. Обобщающее описаніе какой-нибудь группы живыхъ, развивающихся языковъ, или группы міровоззрѣній, общественныхъ системъ нравственности и т. под., составляетъ такую массу и такого запутаннаго матеріала, что овладѣть имъ вполне для отдѣльнаго человѣка не только трудно, а часто практически невозможно.

При этомъ особенно важно вотъ что. Цѣль и смыслъ познания—въ предвидѣнны, въ руководствѣ человѣческими дѣйствіями, трудомъ и борьбою жизни. Простое описаніе обобщаетъ только то, что уже наблюдалось; а въ общественномъ процессѣ, и specially въ мѣрѣ идеологій, наиболѣе интересно понять то развитіе, которое теперь совершается и создаетъ новыя формы, какихъ раньше и не было; всего желательнѣе предвидѣть ходъ и результаты этого развитія, характеръ этихъ новыхъ формъ, чтобы активно участвовать въ прогрессѣ жизни, и не тратить силъ на борьбу съ тѣмъ, что полезно для нея, или что неизбежно. Всего этого методъ описанія дать не въ силахъ: онъ позволяетъ предвидѣть лишь тамъ, гдѣ явленія однообразно повторяются, не развиваясь.

— Въ чемъ заключается статистическій методъ индукцій?

— Въ количественномъ изслѣдованіи, выясняющемъ, насколько часто встрѣчаются тѣ или иные признаки въ данной группѣ явленій, и въ какой мѣрѣ или степени при этомъ они выражены. Этимъ, во-1), вносится больше опредѣленности и точности въ познание; во-2), создается возможность хоть до нѣкоторой степени предвидѣть вѣроятный ходъ протекающихъ новыхъ процессовъ развитія.

Такъ, допустимъ, что мы изучаемъ данное общество по признаку обладанія собственностью. Мы нашли, что въ немъ столько-то—допустимъ, 80 милліоновъ людей—сходны между собою въ томъ, что имѣютъ собственность, и 20 милліоновъ не сходны съ ними, но сходны между собою въ томъ, что ея не имѣютъ. Это знаніе гораздо опредѣленнѣе и точнѣе того, чѣмъ если намъ извѣстны только два обобщенія—«собственники» и «не-собственники».

Затѣмъ, положимъ, мы установили, что въ томъ же обществѣ 10 лѣтъ тому назадъ собственниковъ было не 80, а 85 на 100; десятилѣтіемъ же еще раньше 88 на 100; еще за 10 лѣтъ 90%. Зная это, мы можемъ съ извѣстной вѣроятностью предвидѣть, что въ послѣдующіе годы число собственниковъ вновь уменьшится, а число пролетаріевъ возрастетъ. Досто- вѣ р н о с т и въ этомъ предвидѣнны нѣтъ, такъ какъ наши подсчеты не могли показать, по ч е м у разоряется больше людей, чѣмъ изъ неимущихъ переходитъ въ имущіе; но вѣ р о я т н о с т ь есть, и тѣмъ болѣе значительная, чѣмъ болѣе мас- совой характеръ имѣетъ найденное измѣненіе.

Болѣе полное и широкое статистическое изслѣдованіе выяснитъ намъ и то, въ какихъ размѣрахъ распредѣленъ признакъ собственности: сколько крупныхъ, сколько среднихъ, мелкихъ собственниковъ,—при чемъ условлено «крупными» называть, положимъ, тѣхъ, чье богатство превосходитъ 100 тысячъ рублей, средними—имѣющихъ отъ 10 до 100 тысячъ, мелкими—меньше 10 тысячъ. Наше представленіе объ экономическомъ состояніи общества тогда станетъ еще точнѣе; пред-

видѣніе, на основаніи данныхъ за разные годы—также опредѣленіе. Мы, напр., убѣдимся, что число крупныхъ собственниковъ растетъ, число среднихъ мало измѣняется, число мелкихъ съ такой-то скоростью уменьшается; и мы будемъ ожидать дальнѣйшаго увеличенія численности богачей съ одной стороны, пролетаріевъ съ другой.

— *Примѣнимъ ли статистическій методъ только тамъ, гдѣ возможно точное счисленіе и измѣреніе?*

— Нѣтъ, не только тамъ. Въ массѣ случаевъ цифровое изслѣдованіе очень трудно, или даже невозможно,—а отношенія величинъ, тѣмъ не менѣе, въ общемъ улавливаются достаточно хорошо, чтобы опредѣлить общую картину изучаемыхъ явленій и общій ходъ измѣненій въ нихъ. Напр., наблюдатель деревенской жизни, знакомый съ разными мѣстностями Россіи, безъ особыхъ подсчетовъ приходитъ къ заключенію, что у насъ уменьшается количество среднихъ и мелкихъ хозяйственныхъ крестьянъ, растетъ число богатыхъ, и особенно число безхозяйныхъ, сельскихъ пролетаріевъ. Статистическій методъ есть вообще количественный, а не только цифровой. Иногда ариеметическій подсчетъ не представляетъ даже никакого интереса. Такъ, мы констатируемъ, что «значительное большинство» тѣлъ нашей обычной обстановки обладаютъ знакомъ тяжести, т. е., падаютъ, если остаются безъ опоры. Но было бы весьма безплодно считать, сколько тѣлъ соответствуетъ этому правилу, и сколько образуютъ исключеніе. Въ идеологической наукѣ лишь изрѣдка случается имѣть дѣло съ настоящими цифровыми данными, да и тогда ихъ значеніе только приблизительное. Примѣръ—анкеты, которыя у насъ иногда дѣлались среди студентовъ, среди рабочихъ какой-нибудь фабрики, союза и т. п., по поводу ихъ политическихъ взглядовъ, литературныхъ симпатій, философскаго или религіознаго міровоззрѣнія: получались цифры не массовыя и завѣдомо не очень точныя. Но и массовыя числа, какія даются, напр., счетомъ голосовъ на парламентскихъ выборахъ, далеко не могутъ приниматься съ такимъ довѣріемъ, какъ, положимъ, экономическая статистика. Если число голосовъ, поданныхъ за рабочую партію въ Германіи, за нѣсколько лѣтъ возрастаетъ на миллионъ, а число клерикальныхъ и консервативныхъ голосовъ уменьшается на нѣсколько сотъ тысячъ, то, безъ сомнѣнія, можно сдѣлать выводъ о прогрессивномъ вытѣсненіи одной системы идей другою; но это не будетъ точно установленный фактъ, потому что аналогичное измѣненіе числа голосовъ въ другомъ случаѣ могло бы быть вызвано просто новымъ тяжелымъ налогомъ или закономъ объ увеличеніи войска.

Тѣмъ не менѣе, весьма часто въ нашей наукѣ и безъ помощи строгихъ цифръ статистическій методъ позволяетъ получить опредѣленную характеристику изучаемыхъ фактовъ, и того направленія, въ которомъ они въ данное время измѣняются.